

Эта эволюция лирического героя эпохи сходна с тем процессом «отчуждения», который, по мысли Ю. В. Манна⁵, отличает центральные персонажи пушкинских поэм «Цыганы» и «Кавказский пленник». Но бегство и отчуждение героев Пушкина были фактическими, натуральными, а у героя Вяземского — психологическим, вылившимся в переживание.

Оба бегства Пленника (из края, который он оставил, и из черкесского плена) являются следствием одного конфликта, таким образом, «отчуждение» Пленника от «вторичной ситуации»⁶ не есть отчуждение вторичное, второе, словом, другое. «Сегодняшнее (у черкесов) положение Пленника воспринимается как некое продолжение прежней ситуации, даже как ее углубление, доведение до последней степени страданий и мук. Словно перед нами все тот же, только неуклонно прогрессирующий процесс отчуждения центрального персонажа — „отступника света“, жертва клеветы и преследований»⁷.

О жизни Алеко до его бегства к цыганам мы знаем, что его, как и героя «Уныния» Вяземского, «волшебной славы манила дальняя звезда», и весь образ жизни его, очевидно, очень сходен был с образом жизни героя Вяземского:

«Цыганы»

Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда.

«Уныние»

С улыбкою любви, в венках
из свежих роз
На пир роскошества влекли
меня забавы.

Как и герой «Уныния», Алеко совершил побег к «покою» от «страстей», которые «играли его послушною душой»... «волнением кипели в его измученной груди», он «бросил» «предрассуждений приговор, толпы безумное гоненье или блистательный позор».

Алеко бежит в цыганский табор, как герой Вяземского в «уныние», и «развитие ситуации поэмы приводит героя к новому состоянию — к отчуждению от нового окружения. От той самой естественной первобытной среды, которая должна была утешать его раны и вселить ощущение гармонии и покоя». От «покоя и воли» отчуждается и герой «Уныния», как Алеко от цыганской среды. Дальнейшая судьба Алеко неясна, а путь героя Вяземского избран: второе отчуждение приводит его к бунту.

Негодование! Огонь животворящий!
Зародыш лучшего, что я в себе храню,
Встревоженный тобой, от сна встаю
И благородною отвагою кипящий,
В волненьи бодром познаю
Могущество души и цену бытию.
(«Негодование»)

Состояние покоя, согласованного с законами природы, как для Пушкина («В. Ф. Раевскому»), так и для Вяземского оказалось неприемлемым в действительности. Не может быть счастлив поэт, если вокруг него «владеет ложь, насильством прихоти потоптаны уставы... бесстыдство предсидит в собрании вельмож». Спасение от «уныния», от тихого «полдня», бесстрастной и сумрачной замены счастья Вяземский обретает в негодовании:

Всех помыслов моих виновник и свидетель,
Ты от немой меня бесчувственности спас,
В молчаньи всех страстей меня будил твой глас
Ты мне и жизнь и добродетель.

⁵ См. Манн Ю. В. Указ. соч., с. 33 сл.

⁶ Там же, с. 44.

⁷ Там же, с. 45.